

Воспоминания о профессоре В. Ф. Войно-Ясенецком

«Воспоминания о В. Ф. Войно-Ясенецком» — последняя работа Иосифа Абрамовича Кассирского (1898—1971), крупного советского терапевта и гематолога, автора многих трудов, принёсших ему всесоюзную и мировую известность. Его перу принадлежат также книги и статьи о выдающихся деятелях отечественной и зарубежной медицины — И. П. Павлове, В. П. Филатове, Е. Н. Павловском, П. Эрлихе, Р. Россе и других. И вот ещё одна книга о человеке, с которым автора связывали многолетние дружеские отношения и совместная работа в Туркестанском университете.

«К написанию этой небольшой книги, — пишет автор, — я приступал неоднократно. Но всякий раз, увидев чистый лист бумаги и взяв в руки перо, вдруг начинал испытывать какое-то внутреннее сопротивление, а затем и глубокие сомнения...» Это было связано и с тем, что В. Ф. Войно-Ясенецкий, один из лучших хирургов своего времени, известный анатом, организатор и руководитель кафедры топографической анатомии и оперативной хирургии Туркестанского университета, автор десятков исследований по медицине, главный хирург эвакогоспиталя во время Отечественной войны, одновременно был крупным религиозным деятелем русской православной церкви. Публикуемая в сокращённом варианте работа И. А. Кассирского представляет собой попытку разобраться в сложной натуре Войно-Ясенецкого, проследить его многотрудную жизнь, восстановить правду и восполнить пробел в истории русской медицины — ведь об этом выдающемся хирурге и учёном известно очень мало.

Сколько раз я давал себе слово наконец-то сесть и записать всё, что я помню, знаю, думаю о большом учёном и блистательном хирурге, который вдруг ушёл в религию и посвятил весь строй своей жизни апостольскому служению богу и страданиям за веру.

Среди очень и очень многих интересных людей, с которыми приходилось сталкиваться на протяжении моей почти 60-летней врачебной жизни, фигура Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого едва ли не самая яркая. Стоит назвать его имя, и сразу же передо мною вырастает образ человека могучего, высокого, с величественной осанкой, с красивой окладистой бородой, человека значительного, сложного и чрезвычайно необычного. В нём угадывались духовная мощь учёного, достоинство и сложность трагической судьбы. И всё это удивительно гармонировало с его тихой, спокойной речью, которую слушали всегда с затаённым волнением — будь это просто собеседники или огромные аудитории студентов и врачей.

Я много раз рассказывал друзьям о своих встречах, беседах с Валентином Феликсовичем до его ухода в религию и после рукоположения (хиротонии) в высокий сан архиепископа... Драматические события его жизни, свидетелем и даже участником которых мне довелось быть, неизменно вызывали интерес, внимание.

Но ведь (и в этом моё глубокое убеждение) задача мемуарной литературы состоит не в том, чтобы поработить читателя занимательным чтением. Её главная цель — раскрыть

не только биографию личности, но «биографию» идей, высоких нравственных идеалов человека, чей жизненный путь приобретает значение «учебника жизни».

Чему может научить, задавал я себе вопрос, описание жизни профессора-хирурга Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого (в миру) и архиепископа Луки Туркестанского, потом Красноярского, затем Тамбовского и Мичуринского и — в конце жизни — Симферопольского и Таврического?

В. Ф. Войно-Ясенецкий всю свою жизнь работал в небольших городах, земствах, сёлах России, в Туркестане, в Сибири, на Дальнем Востоке. Как врач, он столкнулся с беспросветной нищетой, постоянным голодом народа, с ужасающей детской смертностью от дифтерии, кори, скарлатины. Борьба с эпидемиями тифа, малярии, холеры, чумы, оспы, косившими целые губернии, была его постоянной работой.

Войно-Ясенецкий был свидетелем двух мировых войн, уничтоживших десятки миллионов людей. Он видел и сам испытал нечеловеческие страдания людей нашего поколения: разруху, голод, смертоносные эпидемии, различные перегибы и репрессии. Он был свидетелем страшных злодеяний гитлеровцев, видел разбомблённые и выжженные селения и города, знал о задушенных в газовых камерах миллионах беззащитных людей, пытках, геноциде, ограблении народов... Кровь, слёзы, горе народное проходили через его сердце. Он никогда не стоял в стороне от общей борьбы, от общего дела, от всего того, чем жила наша страна. Его вклад как врача, хирурга, учёного огромен. При этом в науке он всегда стоял на позициях материализма и в то же время был религиозен.

Предлагаемые очерки не претендуют на исчерпывающий анализ места и роли В. Ф. Войно-Ясенецкого в истории отечественной медицины. Это не более чем воспоминания и размышления об удивительном человеке, в судьбе которого отразились многие сложные события нашего времени.

Деятельность врача принесла В. Ф. Войно-Ясенецкому славу выдающегося учёного и хирурга. От жизни архиепископа Луки тоже осталось немало — одиннадцать томов проповедей. Все, близко знавшие В. Ф. Войно-Ясенецкого, каждый по-своему, решал для себя загадку: как могло случиться, что одной и той же рукой написаны глубоко научные «Очерки гнойной хирургии», «Регионарная анестезия» и книга «О духе, душе и теле». Мне представляется, что разгадка этой тайны лежит в истории всей его жизни, в «биографии» тех идей и раздумий, которые определили своеобразие и необычность его человеческой личности.

Жизнь его полна нераскрытых тайн. Но твёрдо могу сказать, что он был человеком чистой души и честности. Он верил в религиозный гуманизм и был убеждён, что этот гуманизм способен победить трагические противоречия и социальные катаклизмы, свидетелем которых являлся. Эту свою религиозную веру он пронёс через всю жизнь. Никогда Войно-Ясенецкий не ревизовал своего мировоззрения. И даже трудные испытания, в которые ввергла его религиозность (несколько лет он провёл в лагерях и ссылке), не сломили, не поколебали его веры.

Целитель души и тела — что может быть выше! Об этом страстно говорил в своих проповедях Валентин Феликсович — архиепископ Лука, рассказывая о святом Пантелеимоне, который был и врачом и священнослужителем. А в православных церквях в Лондоне, Париже, Нью-Йорке священнослужители даже называли своего брата во Христе Луку святым Пантелеимоном нашего времени.

Я думаю, что органически сочетать в себе такое мог только человек тончайшей гуманистической душевной структуры. Жизнь В. Ф. Войно-Ясенецкого волнует нас не потому, что его путь не был свободен от заблуждений (от них в той или иной степени никто не застрахован), — она поучительна, потому что, несмотря на противоречия и заблуждения, безграничная преданность долгу врача и учёного брала в нём верх и религиозность никогда не заглушала в нём великий голос совести врача, учёного и гуманиста.

В. Ф. Войно-Ясенецкий родился в семье фармацевта 27 апреля 1877 года в городе Керчи. Род Войно-Ясенецких происходил из обедневших дворян. Дед Валентина Феликсовича жил совсем в бедности, его семья ютилась в курной избе. Первым из оскудевшего рода, кто сумел опять встать на ноги и получить образование, был отец, выучившийся на фармацевта. Владея аптекарским магазином, постепенно выбился в люди, сумел дать хорошее образование своим детям.

Валентин сначала учился в Кишинёвской, а затем в Киевской гимназиях. Мальчик отличался ярким художественным дарованием, прекрасно рисовал и прошёл курс рисовальной школы.

В 19 лет он окончил гимназию и Киевское художественное училище, мечтал посвятить себя искусству, гуманитарным наукам и выбрал юридический факультет Киевского университета. Проучившись там год, перешёл на медицинский факультет, потому что понял, что именно медицина более всего соответствует его жизненным устремлениям.

«Для того, чтобы поступить на медицинский факультет, — писал он, — я должен был преодолеть яркий интерес к наукам гуманитарным, историческим, к философии и преодолеть большую нелюбовь к естественным наукам».

Уже на первом курсе его увлекла анатомия. Он вспоминает: «Моя любовь к форме и тонкое понимание её вылилось в любовь к анатомии, в художественно-анатомическую препаровку, а затем в увлечение техникой хирургических операций на трупах... Мои товарищи единогласно решили, что я буду профессором анатомии, и оказались правы, хотя я и протестовал против их предсказаний». На четвёртом и пятом курсах он увлёкся глазными болезнями. В 1903 году Войно-Ясенецкий окончил университет с отличием.

Годы его учения совпали с революционным предгрозем 1905 года, с русско-японской войной. Но революционная буря прошла мимо него. Он, безусловно, ощущал несовершенство окружающего мира, видел в нём много несправедливого, понимал отсталость и нищету огромной и потенциально богатой страны, но оставался как бы в замкнутом пространстве уже тогда создавшегося в его сознании и сердце миропонимания. Он был убеждён: победу над стихией зла — социальной несправедливостью, угнетением, разрушительными войнами может одержать только религиозный гуманизм, христианство, которому все люди должны отдаться беззаветно.

При нашей последней встрече, состоявшейся почти через четыре десятилетия после 1905 года (в 1944 году), мы долго беседовали в номере гостиницы «Москва». Он был в полном архиерейском облачении в окружении служителей церкви различных рангов. Мы говорили о многом — о пройденном им трудном жизненном пути, его здоровье, о его детях, о научной и практической хирургической деятельности. В конце беседы он с грустью произнёс: «Вот вы, я знаю, взбираетесь на крутые вершины науки и академической деятельности, а мне ведь очень тяжело: три четверти моих сил отнимает моё служение вере. Знаете, я написал и отдал в Духовную академию 11 томов проповедей, туда же входит труд моей жизни — «О духе, душе и теле». Сколько мне приходится читать духовной литературы».

В 1957 году я получил от него письмо, в котором он ещё раз возвращается к своим духовным сочинениям (но вместе с тем показывает, что «внутренний червь» — привязанность к научно-творческой работе в области медицины - точит его!). Вот оно — это письмо:

Многоуважаемый Иосиф Абрамович!

Ваше доброе и любезное письмо очень порадовало меня и моих присных, живущих при мне.

Благодарю за Ваше поздравление с Новым годом, но сам никого с ним не поздравляю, так как он может принести нам ужасы войны.

Поздравляю Вас с получением высоких званий заслуженного деятеля науки и члена-корреспондента АМН.

К моим титулам прибавилось звание почётного члена Московской Духовной Академии за 11 толстых томов моих проповедей, получивших необычайно высокую оценку Совета Академии. Но для Вас, я думаю, более интересно то, что в своей глубокой старости и напряжённой архиерейской работе я очень надеюсь написать новую книгу по регионарной анестезии при сотрудничестве доктора Полякова, уже собравшего для этой книги всю новейшую литературу за последние 5 лет. А я сам изучил всю литературу от 1915 по 1952 год, пока ещё не ослеп.

Если удастся издать эту книгу, то она будет очень ценным вкладом в хирургическую литературу, ибо с регионарной анестезией, широко применяемой на Западе, особенно в Англии, Франции и Америке, советские хирурги очень мало знакомы и большинство их пользуются только местной анестезией по методу Вишневского, которую регионарная анестезия очень превосходит во многих отношениях.

Моё здоровье очень недурно; у меня большая наследственная долговечность по отцу и матери, дающая надежду прожить ещё 5—6 лет.

Примите мою сердечную благодарность Вам и Вашей семье за добрую память обо мне.

В. Войно-Ясенецкий.

Симферополь, 3 января 1957 г.

Но вернёмся к его биографии. По окончании медицинского факультета он мог бы претендовать на то, чтобы остаться при университете, готовиться к научной карьере, но выбирает иной путь в жизни. Он едет с Киевским лазаретом Красного Креста добровольцем на Русско-японскую войну.

В Чите в лазарете на двести коек Войно-Ясенецкого назначили заведующим хирургическим баракком. Работал он самозабвенно, с утра и до поздней ночи каждый день делал сложные и очень разные операции — на конечностях, на черепе.

Там же в госпитале произошло его знакомство с сестрой милосердия Анной Васильевной Ланской. Девушка из скромной мещанской семьи, очень красивая, с чистой душой и кротким характером — она пришлась по душе Валентину Феликсовичу, всему настрою его натуры. Раненые солдаты, за которыми Анна Ланская ухаживала в госпитале, называли её «святой сестричкой». Они поженились и безоблачно прожили четырнадцать лет.

В апреле 1905 года Войно-Ясенецкий принял решение уехать на работу в земство. «Хочу быть врачом для народа», — говорил он домашним и друзьям. Там началась его работа земского врача, сначала в Ардатовском уездном земстве (в Симбирской губернии), затем — в Фатежском и Балашовском уездах. В 1910 году В. Ф. Войно-Ясенецкий переехал в Переславль-Залесский, где занял должность заведующего земской больницей.

В земских больницах в те годы, как правило, работал один врач. Он был хирургом и акушером, терапевтом и педиатром, гигиенистом и стоматологом. Хирургическая деятельность в основном ограничивалась вскрытием абсцессов, флегмон, удалением зубов, кожных опухолей, инородных тел в наиболее доступных местах. Появление крупного хирурга в земстве было весьма редкой счастливой случайностью.

Сохранившиеся в виде аккуратно переплетённых книжек «Отчёт о хирургической деятельности Романовской земской больницы (1909—1910 годы)», «Отчёт о деятельности Переславской земской больницы за 1911—1914 годы» показывают размах хирургической работы Войно-Ясенецкого.

В Романовской больнице Войно-Ясенецкий стал зачинателем «большой» хирургии в земстве.

Он с высоким мастерством оперировал на желчном пузыре и головном мозге, кишечнике и на желудке, на почках и позвоночнике, на суставах и нервах, производил гинекологические и глазные операции. Особо его внимание привлекала гнойная хирургия. Гнойные процессы были самыми распространёнными. Войно-Ясенецкий нашёл способ лечить этих больных с помощью хирургии. Опыт этой его работы отражён в «Очерках гнойной хирургии».

Много занимаясь практической медициной, земский врач В. Ф. Войно-Ясенецкий увлёкся ещё и научной работой — бактериологией, патологической анатомией, гистологией. Он организовал специальную лабораторию при больнице, на собственные деньги купил микроскоп и другое необходимое оборудование. Он стал разрабатывать новый метод местного обезболивания — регионарную анестезию.

В 1915 году монография «Регионарная анестезия» под фамилией В. Ф. Ясенецкого-Войно вышла в свет, в 1916 году автор защитил её как диссертацию на степень доктора медицины.

Работа над диссертацией заняла у него всего восемь месяцев. Несомненно, В. Ф. Войно-Ясенецкому в научной и практической хирургической работе помогали его поразительное чувство осязания и талант художника. Действия его как хирурга были необыкновенно точны, соразмерны и, я бы сказал, виртуозны. В 1922 году, когда я увидел его первую (и одну из первых в нашей стране) безукоризненно проведённую операцию переливания крови, я был поражён его блестящей хирургической техникой.

Позднее его сын Валентин, которому я рассказал об этой артистически произведённой операции, вспомнил такой любопытный факт. «Тончайшее чувство осязания, очевидно, было врождённым у отца. Он как-то, беседуя с нами, его детьми, на эту тему, решил доказать нам это «на деле». Сложил десять листков тонкой белой бумаги, а затем попросил давать задания: одним взмахом острого (это было обязательным условием!) скальпеля разрезать любое количество листков. Опыт оказался весьма удачным. Мы были поражены!»

В 1916 году Валентин Феликсович переехал в Ташкент, куда был приглашён на должность главного врача городской больницы.

Вот что рассказывает о начальном периоде жизни В. Ф. Войно-Ясенецкого в Ташкенте его друг и коллега Лев Васильевич Ошанин.

В первые послереволюционные годы улицы в Ташкенте не освещались. На улицах было далеко не безопасно, нередко происходила перестрелка. Кто, в кого, зачем стрелял, не всегда бывало понятно. Но жертвы были. Раненых привозили в больницу. Войно-Ясенецкого нередко вызывали среди ночи на операции. Случалось, раненые поступали один за другим, и он всю ночь оперировал.

Его операции были подлинной школой. Он имел обыкновение оперировать, если можно так сказать, вслух, объясняя присутствующим врачам и студентам, что кроется под фасцией, которую сейчас вскрывает, какие сосуды, нервы лежат глубже того места, где находится его рука со скальпелем, какие ткани и органы находятся в операционной ране и вокруг. За много лет Войно-Ясенецкий собрал замечательную коллекцию собственных анатомических рисунков, которые он демонстрировал на своих лекциях по топографической анатомии в университете. Талант художника Валентин Феликсович использовал и в церкви, он расписал масляной краской иконостас в больничной церкви-часовне.

Операции были стихией Войно-Ясенецкого. У операционного стола он не знал ни страха, ни волнения. Даже когда приходилось оперировать собственных детей.

Л. В. Ошанин рассказал такой эпизод.

Старший сын Войно-Ясенецкого, Миша, играл во дворе больницы (дом главврача выходил на территорию больницы) со сверстниками. Было тогда мальчику лет 10—11. Вдруг на крыльце хирургического корпуса появляется Валентин Феликсович.

— Миша, иди сюда, — обращается он к сыну. — Проходи прямо к сестре в операционную. Она тебя приготовит к операции. Я буду тебя оперировать, вырежу аппендикс.

Ошанин, услышав это, буквально остолбенел.

— Как, сейчас? Вот так взять своего собственного сына и положить на операционный стол?

Войно-Ясенецкий объяснил, что ждать нечего, лучше оперировать в межприступном, так называемом холодном периоде. Ведь у Миши было уже два острых приступа аппендицита.

Так мальчик попал прямо с игры в операционную. Через неделю он выписался.

Позднее Войно-Ясенецкий оперировал свою дочь, у неё на пальце правой руки начала быстро развиваться опухоль. Войно-Ясенецкий, заподозрив остеосаркому, сделал дочери радикальную операцию, не только удалил весь палец, но и вылушил всю пястную кость.

Войно-Ясенецкому было свойственно внутреннее спокойствие. Его никогда не видели в гневе, всплывшим или просто раздражённым. Голос — негромкий, глуховатый, он никогда его не повышал. Его многое возмущало, но он никогда не выходил из себя. Своё негодование выражал спокойным голосом. Не видели его и по-настоящему весёлым, хотя он нередко улыбался и даже смеялся.

Интересная иллюстрация сказанного. В начале 20-х годов начальником милиции Ташкента был известный всему городу Цыруль, латыш, человек огромного роста, здоровенный, могучий — гроза преступного мира. И вот во время автомобильной катастрофы он получил серьёзную травму — перелом бедра.

Валентин Феликсович мастерски совместил концы сломанной кости, поэтому она срослась хорошо, без укорочения ноги. Цыруль был в восторге от своего врача и хотел его как-то отблагодарить. Но ему сказали, что ни о каком гонораре не может быть речи, что Войно-Ясенецкий никогда не берет денег у пациентов. Тогда Цыруль пришёл к своему спасителю домой и положил перед ним браунинг, две обоймы и 50 патронов.

— Вот, профессор, вам разрешено носить оружие. Вы часто ночью ходите к больным. Опасно. Если на вас кто нападёт, это оружие для защиты.

Войно-Ясенецкий положил браунинг в стол. Об этом узнали сыновья и стали играть занятной «игрушкой». Как-то во время дежурства Ошанина к нему зашёл Валентин Феликсович и попросил проверить, не заряжен ли пистолет. Ошанин, считая себя знатоком огнестрельного оружия, осмотрел браунинг и заявил, что патронов в нём нет. Чтобы окончательно убедиться в этом, поднял пистолет в сторону Войно-Ясенецкого, но всё же выше его головы (помня его слова, что нельзя целиться в человека, даже если уверен, что оружие

не заряжено) и спустил курок. Каков же был ужас Ошанина, когда раздался выстрел, пуля вонзилась в стену в 5—6 сантиметрах над головой Войно-Ясенецкого. В противоположность потрясённому Ошанину Войно-Ясенецкий остался невозмутимо спокойным и только сказал: «Зачем вы говорили, что знаете это оружие? Если что-нибудь знаете понаслышке, не следует утверждать, что знаете».

Вот ещё эпизод, иллюстрирующий спокойствие Войно-Ясенецкого и умение держать себя в экстремальных ситуациях.

В 1918, 1919-м и в начале 1920-х годов Ташкент был советским, но отрезанным от остальной части страны. Оренбургскую дорогу закупорили белоказаки генерала Дутова. В Ферганской долине бесчинствовали басмачи, в сущности, там шла война. Большая часть Закаспийской области с центром в Ашхабаде находилась под властью белых и соединившихся с ними интервентов.

В Ташкенте начальником гарнизона и комендантом крепости был некий Осипов — бывший царский офицер. В ночь на 21 января 1921 года он поднял контрреволюционный мятеж, известный под названием «осиповского восстания». Город оказался во власти контрреволюционеров. Но они встретили яростное сопротивление рабочих, главным образом железнодорожных мастерских. Через несколько дней, в течение которых шли уличные бои, «осиповцы» были разбиты наголову и Советская власть восстановлена. Сам Осипов с остатками своей банды бежал через горы в Афганистан, гарнизон сдался. Но немало мятежников осталось в городе, их усиленно разыскивали.

В первое же утро после ликвидации мятежа по ложному доносу арестовали Войно-Ясенецкого и его помощника, хирурга Г. А. Ротенберга. Прямо из операционной хирургического корпуса их увели в железнодорожные мастерские. Там непрерывно заседала «чрезвычайная тройка» по ликвидации мятежа.

В мастерских их посадили в каком-то довольно просторном помещении, откуда одна дверь вела в комнату, где заседала «чрезвычайная тройка». В помещении было много и других арестованных. По фамилии их вызывали в «роковую» комнату.

Войно-Ясенецкий всё время был невозмутимо спокойным. На частые тревожные вопросы Ротенберга, почему же их не вызывают, что это может означать, Войно-Ясенецкий отвечал: «Вызовут, когда придёт время, ждите спокойно».

Уже поздно вечером через «зал ожиданий» случайно проходил крупный партийный деятель, хорошо знавший Войно-Ясенецкого.

— Доктор, почему вы здесь, как это случилось?

Войно-Ясенецкий рассказал всё как было. Их арестовал патруль... А привёл патрульных в хирургический корпус служитель, сторож морга, где Войно-Ясенецкий часто делал операции на трупах. Войно-Ясенецкий не раз говорил этому служителю, что он его выгонит за постоянное пьянство, лодырничанье и воровство.

Знакомый Войно-Ясенецкого сейчас же ушёл в комнату, где заседала «чрезвычайная тройка», и через десять минут врачам вручили пропуска на выход. Но одних не отпустили, а дали вооружённых провожатых.

Вернулись в больницу, где все были очень взволнованы их арестом. Войно-Ясенецкий тотчас распорядился, чтобы больной, накануне назначенный на операцию, к положенному времени был подготовлен и находился в операционной.

Ташкентская городская больница тех лет очень напоминала Валентину Феликсовичу земскую: такая же бедность во всём, плохие железные кровати, забитые больными палаты и коридоры.

Он работал без усталости — днём и ночью. А кроме того, как и в земстве, помимо практической работы, занимался научной. Он никогда не отдыхал — всегда чем-то был занят. Даже по дороге к больному, сидя рядом с кучером в плетёной двуколке, заучивал французские слова и фразы, повторял их вслух; таким же способом он изучил и английский язык (немецким владел хорошо). Периодически, как рассказывали дети Валентина Феликсовича, у него появлялось такое сильное переутомление, что он не мог ни писать, ни читать. В этих случаях переключался на переплётное дело. Все книги в его библиотеке были переплетены его руками, с большим вкусом и изяществом.

Личная жизнь его сложилась очень счастливо. У него было четверо детей, которыми он имел все основания гордиться. Все четверо впоследствии стали хорошими врачами. Ди-

настия медиков этой семьи продолжается и поныне, теперь уже в третьем и четвёртом поколениях. Добрая, заботливая мать Анна Васильевна всю себя отдала воспитанию детей и заботам о муже, но, к сожалению, ещё в Переславле она заболела туберкулёзом. Её здоровье быстро сдавало — туберкулёз прогрессировал. 13 ноября 1919 года она умерла.

Это была огромная трагедия для Валентина Феликсовича. Некоторые даже считали, что именно смерть жены послужила толчком к его уходу в религию. Вскоре после смерти жены он принял решение постричься. Однако это, пожалуй, упрощённое понимание сложной натуры Войно-Ясенецкого. Причина подспудно зрела давно, она — в его религиозном мировоззрении. Валентин Феликсович был всегда человеком религиозным, притом религиозным «ортодоксального» православного толка. В Ташкенте всем было известно, что он не пропускает ни одной церковной службы, «отстаивает» все всенощные и обедни по субботам, воскресеньям и в дни православных праздников. Личная драма — лишь повод, она только подвела черту.

Когда профессор Войно-Ясенецкий стал церковным деятелем — архиепископом Лукой, — перед администрацией больницы и особенно университета, медицинского факультета и перед партийными органами возникли довольно сложные задачи. Как быть с новоявленным «протопопом Аввакумом» и одновременно профессором недавно открывшегося, первого в Средней Азии вуза, воспитателем советской молодёжи и крупнейшим специалистом, блестящим хирургом?

В церкви он произносил проповеди, в предоперационной повесил икону, перед операцией спрашивал у ассистентов о больном: православный, христианин? Если да, то крестил пациента, затем крестился перед иконой и лишь после этого торжественно произносил: «Скальпель!»

Чтобы немного понятнее были степень личной драмы профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого и характер развернувшихся вокруг него событий, расскажем кратко о той обстановке, которая сложилась в первом в Средней Азии медицинском вузе в тот период.

В апреле 1918 года на V съезде Советов Туркестанского края была провозглашена Туркестанская Автономная Советская Республика, входящая в состав РСФСР.

Обстановка в Средней Азии в первые годы становления Советской власти была очень напряжённая. Голод, страшные эпидемии паразитарных тифов, поголовная малярия уносили десятки тысяч жертв. Ширившееся басмаческое движение, подогреваемое извне, а также изнутри религиозными фанатиками, — всё это мешало молодой власти строить новую жизнь в республике.

Для руководства медицинским обслуживанием населения республики уже в ноябре 1917 года был организован Комиссариат народного здравоохранения. Одним из первых наркомов здравоохранения стал молодой талантливый хирург Иван Иванович Орлов.

В Ташкенте в дореволюционное время были всего две небольшие больницы — одна в новом городе, другая, совсем захирелая — в старом.

Решением Комиссариата народного здравоохранения самое большое здание в Туркестане — кадетский корпус — было передано органам здравоохранения. Здесь развернулась больница на 1000 коек, а в дальнейшем и медицинский факультет Туркестанского университета.

Я ещё застал эту больницу в период строительства и организации, когда в огромных залах главного корпуса на полу, на подстилках из соломы лежали больные малярией, брюшным тифом и другими кишечными заболеваниями. Постепенно огромные залы и дортуары переоборудовались в палаты, лаборатории, учебные комнаты и аудитории. Студенты и преподаватели принимали активное участие в строительстве, таскали кирпичи, выкладывали стены.

В числе врачей, которые с первых дней установления Советской власти стали сотрудничать с ней, были: терапевт, пользовавшийся популярностью во всей Средней Азии, доктор медицины Моисей Ильич Сломим; хирург, приобретший мировую известность открытием возбудителей кожного лейшманиоза, доктор медицины Пётр Фокич Боровский; его ученик, хирург Иван Иванович Орлов; основоположник микробиологии в Средней Азии, директор Института микробиологии, доктор медицины Алексей Дмитриевич Греков; терапевт Лев

Васильевич Ошанин — сын знаменитого исследователя Памира и Тянь-Шанских ледников; хирург, доктор медицины Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий и другие.

В 1919 году к В. И. Ленину в Москву была направлена делегация с просьбой открыть в Туркестанской республике университет. Время для решения такого большого вопроса было вроде бы самое неподходящее: страна со всех сторон окружена белогвардейскими армиями и интервентами, всюду свирепствуют эпидемии, голод, разруха. Тем не менее В. И. Ленин с вниманием отнёсся к инициативе туркестанской интеллигенции.

И уже в сентябре 1920 года, согласно декрету Советского правительства, подписанному В. И. Лениным, в Ташкенте был открыт университет — первый университет не только в Советской Средней Азии, но и вообще на всём Среднем Востоке.

Из Москвы в Ташкент пришёл поезд, почти целиком состоявший из теплушек. В нём — восемьдесят московских и питерских профессоров и преподавателей, библиотека из 20 тысяч книг, учебные пособия, медицинские инструменты, оборудование для лабораторий, химические реактивы. 56 суток ехали по голодному, разорённому войной и всё ещё пылающему в пожарищах краю энтузиасты, решившие принести светоч знаний народам Туркестана. Среди них были известные, даже знаменитые врачи, крупнейшие русские учёные: ученик Зелинского химик Сергей Николаевич Наумов, зоолог Даниил Николаевич Кашкаров, математик Всеволод Иванович Романовский, ученик Остроумова терапевт, гематолог Александр Николаевич Крюков, невропатолог, ученик Россолимо Михаил Алексеевич Захарченко, хирург-клиницист, ученик Мартынова Пётр Порфирьевич Ситковский, хирург-гинеколог Константин Григорьевич Хрущёв, анатом Иван Порфирьевич Рождественский и другие.

Ехали не за деньгами, не за славой. Это был подвиг учёных, братская помощь народам Средней Азии — узбекам, казахам, таджикам, киргизам, туркменам. Это были светлые страницы в истории ленинской национальной политики, рождённой Великим Октябрем. Приезд учёных-профессоров, открытие медицинского факультета — это была революция в деле.

Жарким дыханием тех дней обдаёт меня всякий раз, когда вспоминаю, как кипела организационная работа. Было такое впечатление, что ташкентские профессора хотели утвердить полную преемственность академических традиций московской школы в молодом среднеазиатском вузе.

К сожалению, здесь нет возможности охарактеризовать всех первых профессоров Туркестанского университета. Расскажу лишь о трагической судьбе профессора Ивана Петровича Михайловского, которая оказала драматическое влияние на В. Ф. Войно-Ясенецкого.

Заведующий кафедрой физиологии ТГУ профессор И. П. Михайловский был, несомненно, выдающимся учёным, страстно преданным науке. К несчастью, к 52 годам не выдержал коллизии нескольких драматических событий — смерти сына и разрыва с женой... Иван Петрович Михайловский покончил с собой.

Последние годы жизни он производил впечатление несколько растерянного, угасшего человека. О нём распространялись разные слухи: будто он долго не хоронил своего 12-летнего сына, законсервировал труп и вечерами в одиночку проводил опыты по оживлению... И вот — развязка...

Началось расследование. Михайловского нашли в его пригородном охотничьем домике с простреленной головой. При этом обнаружались какие-то улики, позволяющие думать, что его убили.

Так как Михайловский был верующим, родные и близкие обратились к архиепископу Луке — Войно-Ясенецкому с просьбой разрешить похоронить его не как самоубийцу — за наружной оградой, а на православном кладбище. Он дал такое разрешение, при этом не оговорил в своей записке вопроса о судебно-медицинском вскрытии. Это послужило поводом для привлечения профессора Войно-Ясенецкого к делу...

По схеме, созданной в следственных органах, события мыслились так: вот-де профессор-физиолог занимался важной проблемой оживления, а церковники решили его уничтожить, так как он подрывал их учение.

Многих учёных привлекли к следствию по этому делу, но ни один из них не смалодушничал, не поднял руки на Войно-Ясенецкого. Все единодушно говорили о его кристальной нравственной чистоте и высоких качествах учёного и хирурга, беззаветном служении народу в течение всей врачебной деятельности.

Делу был дан «обратный ход», хотя всё же нашёлся один ловкий делец от литературы, который быстро состряпал роман-повесть «На грани», в котором отвергнутое было представлено как факт, а Войно-Ясенецкий выведен как средневековый «чёрный монах», иезуит-инквизитор, мракобес, борющийся на стороне церкви против прогресса и материалистической науки. Эта ложь была справедливо официально отвергнута.

Ещё одна история, связанная с профессорами Туркестанского университета — заведующим кафедрой факультетской хирургии П. П. Ситковским и В. Ф. Войно-Ясенецким. В этой истории Валентин Феликсович участвовал в роли не обвиняемого, а был фактическим защитником привлечённого к уголовной ответственности коллеги.

Дело было летом или осенью 1920 года. В Туркестане полыхала гражданская война, в хирургические клиники университета непрерывным потоком поступали раненые. Между тем из-за разрухи, когда не доставало самого необходимого — перевязочного материала, медикаментов и многого другого, уход за ранеными, питание были не на высоте. К тому же свирепствовали сыпной, возвратный и брюшной тифы, дизентерия. В лечебных учреждениях — тучи мух. У многих раненых, особенно из тех, кто поступал в хирургическую клинику издалека и не сразу, были неопишимо запущенные гнойные раны. Естественно, было много жалоб и обвинений в адрес врачей, поговаривали, что «это-де чистое вредительство». Появились комиссии. В результате профессора П. П. Ситковского и ещё нескольких врачей арестовали. Вскоре начался показательный процесс.

Обвинителем по этому процессу выступал прибывший из Москвы один из заместителей Ф. Э. Дзержинского — Петерс, человек суровый, горячий, резкий.

И вот вдруг с места поднимается профессор Войно-Ясенецкий в епископском облачении. Он взял слово в качестве привлечённого к судебному процессу эксперта. Говорил спокойно, без эмоций, логично, убедительно.

Я не помню деталей речи, но смысл её сводился к тому, что надо познать, понять, объяснить, как произошло то, что вменяется обвиняемым как преступление... Войно-Ясенецкий сказал, что он выступает не как защитник, а как глашатай разума и совести. «Подумайте, — говорил он, — разве может русский врач, советский врач злодейски вредить больному человеку, тем более раненному на поле брани воину. Не так врачи воспитаны. Они воспитаны на самых человеческих началах традиций русской медицины, земской медицины, народной медицины... Я со всей честностью и гневно отвожу это обвинение.

Второе, что хочу сказать: внемлите зову разума, посмотрите, какое кругом разрушение, бедность и недостатки. Ведь нет перевязочного материала, нет медикаментов... Я много лет работал в земстве, среди крестьян и рабочих — и тогда, не в условиях революции, разрухи, а в мирных условиях было то же самое: не хватало перевязочного материала, больных привозили с опозданием, и у них в ранах среди зловонного гноя и омертвевшей ткани копошились черви. Обо всём этом можно только сожалеть, но не обвинять невинных людей. Я призываю вас, товарищи судьи, сострадать и больным, и тем, кто, угнетаясь душевно, не мог им помогать в силу обстоятельств. Если же вы не послужите правде и не будете милосердны, вас покарает суд божий и голос совести».

По словам доктора Л. Ошанина, также присутствовавшего на процессе, Войно-Ясенецкий бесстрашно напал на грозного Петерса, который судил о вещах, в которых не понимал, но всё же требовал наказания совершенно честных людей.

Войно-Ясенецкий явно превысил права эксперта, превратив своё выступление в своего рода наступление. На неоднократные попытки председателя и самого Петерса оборвать выступавшего, следовал ответ в том смысле, что если, мол, вы вызвали меня как эксперта, то и слушайте то, что я говорю как врач, хирург и профессор.

Настроение аудитории было явно на стороне Войно-Ясенецкого. Однако врачам вынесли суровые приговоры (П. П. Ситковский был осуждён на 15 лет). Но этот процесс, как многие в то время, носил лишь условно-показательный характер. Уже через несколько недель врачей отпустили в клиники для работы.

В самой сердцевине здания, из которой расходятся под углами длинные крылья клинических корпусов, находилась кафедра топографической анатомии и оперативной хирургии профессора, доктора медицинских наук Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого. Всего

три комнаты. Зимой они не отапливались, пол был холодный, асфальтовый, однако Валентин Феликсович никогда на это не жаловался.

Валентин Феликсович обычно входил в клинику, на кафедру в полном архиерейском облачении, величественный и строгий, но тут же снимал это облачение и оставался в жилете — традиционном жилете хирургов, на который надевается халат. Лекции он читал в халате.

Над кафедрой сразу вдруг вырастала его огромная, монументальная фигура. Внешне спокойный, лекции читал тихим, несколько глуховатым голосом тенорового тембра, но аудиторией овладевал мгновенно. Его плавная, уверенная речь, благородно-сдержанная манера общения и какая-то мягкая, согревающая теплота глаз захватывали слушателей.

Удивительное дело — верующий в сверхъестественное, в бога священник-идеалист, в науке он был, пожалуй, как никто из нас, до щепетильности строг в обращении с фактом.

Обычно профессора, преподающие топографическую (хирургическую) анатомию и отлично её знающие, плохо оперируют и не работают в клинике. Войно-Ясенецкий «царствовал» одинаково в двух областях — и в анатомии, и в клинической хирургии, то есть и у анатомического, и у хирургического стола.

О его искусстве хирурга ходили легенды. Я видел его у операционного стола. Он оперировал без какой-либо нервозности. Чувствовался спокойный, ровный ритм работы. Его пальцы нежно и в то же время властно управляли движением скальпеля в живой ткани. Один музыкальный критик об исполнении В. В. Софроницким Шопена как-то сказал: «Ни пылинки!» Это можно было бы сказать и об «исполнительском искусстве» хирурга В. Ф. Войно-Ясенецкого.

Нас, коллег, поражал широкий диапазон его оперативного умения. Он не терялся ни перед какой новой и случайной операцией, умел сразу находить творческое решение по ходу операции. Ему, конечно, очень помогало абсолютно безошибочное стереоскопическое представление любой области тела, куда вторгался скальпель. Самую сложную операцию он вёл, казалось, без всякого напряжения. В полной тишине, спокойно, время от времени он предупреждал ассистента: «Сейчас, под этой фасцией сосуд (следует название) зажмите...» Это его в результате блестящего знания анатомии заранее сказанное «зажмите» помогало делать операции почти бескровными...

Войно-Ясенецкий был очень требователен и к себе и к своим сотрудникам в каждом деле. «Работа должна выглядеть, как бриллиант, — говорил он, — куда его ни повернёшь, он блестит».

Хорошую работу он считал явлением нормальным, не заслуживающим похвалы, поэтому практически никогда никого не хвалил, но ошибки не прощал.

Однажды во время дежурства молодого хирурга Б. А. Сокольников в больницу доставили человека с закрытой травмой живота. Врач решил не беспокоить Войно-Ясенецкого, самостоятельно поставил диагноз — разрыв селезёнки — и произвёл операцию. После операции в глубине раны непрерывно кровоточило, но Стекольников смог справиться и с этим.

На утренней конференции он доложил об этом непростом случае, ожидая в душе одобрения Войно-Ясенецкого. Всё-таки он, молодой хирург, поставил непростой диагноз, успешно справился с трудной операцией и мог рассчитывать на похвалу. Валентин Феликсович спросил о причине кровотечения. Стекольников ответил, что, как известно, в этом отделе брюшинного пространства имеется венозное сплетение, которое, по-видимому, было задето во время травмы. Тогда Валентин Феликсович сказал: «Вы во время операции поранили поджелудочную железу, и, если подобное ещё раз повторится и вы допустите такого рода ошибку, я лишу вас права дежурства ответственного хирурга».

Целую неделю Стекольников ходил под тяжёлым гнётом, так как понимал, что сок повреждённой им поджелудочной железы (в правоте шефа он не сомневался) мог вызвать прободение стенки кишечника. Готов был в любой момент приступить к операции, если это случится. Такие уроки запоминаются на всю жизнь. Валентин Феликсович поступил сурово, но совершенно справедливо, требуя от врачей постоянного углублённого анализа как собственных действий, так и состояния больного.

Ещё одна черта характера В. Ф. Войно-Ясенецкого. Будучи одним из высокопоставленных иерархов ортодоксальной старозаветной православной церкви, которая нетерпимо относилась к иноверцам, Валентин Феликсович никогда не испытывал националистических

чувств к людям иной национальности. Среди его сотрудников и ближайших помощников были люди разных национальностей, атеисты, но на его отношении к ним это никогда ни в чём не отражалось. В университете, в больнице Войно-Ясенецкий всегда оставался профессором, коллегой, старшим товарищем.

Валентин Феликсович был кристально честным человеком и никогда не поступался своими взглядами, если даже знал, что какие-то его высказывания и поступки будут иметь неблагоприятные последствия. Был бескорыстен, вёл очень скромный образ жизни. Всё в этом человеке было прозрачно чисто, светло. Тем более оставалось непостижимым, как в нём уживаются две личности — учёный-естествоиспытатель, активный хирург, борец против болезней и смерти, «посылаемых людям по воле божьей», и... служитель бога, веры, строжайше соблюдающий все догматы религии. Он выполнял все ритуалы богослужения, произносил проповеди и посещал... заседания медицинского общества, на которых делал глубокие научные доклады.

В догматике православия и в выполнении всех деталей её ритуала он был так же твёрд и неумолим, как и в борьбе за научные истины. За букву догмы и детали ритуала он, несомненно, готов был принять «венеч мученический», как приняли его когда-то за «двуперстное сложение» протопоп Аввакум и боярыня Морозова.

Ещё не будучи священником, Войно-Ясенецкий повесил в операционной икону. Перед операцией крестился. На это смотрели сквозь пальцы. Но одна из очередных комиссий приказала убрать икону, сказав, что операционная — учреждение государственное, а у нас церковь отделена от государства. Тогда Войно-Ясенецкий «забастовал», ушёл из больницы, заявил, что не выйдет на работу, пока не повесят икону обратно.

Случилось так, что именно в это время один ответственный работник привёз для неотложной операции свою жену, которая категорически заявила, что она ни у кого, кроме Войно-Ясенецкого, оперироваться не будет. Обратились к Войно-Ясенецкому. Он ответил, что очень сожалеет, но согласно своим религиозным убеждениям не пойдёт в операционную, пока икону не повесят обратно.

Ему пообещали, что икона завтра же будет на месте. И он прооперировал больную.

Об этом эпизоде мне напомнила ординатор Войно-Ясенецкого Анна Ильинична Беньяминович. Сам я помнил об этом смутно, так как в это время уезжал в командировку.

Но зато я прекрасно помню второй случай «иконоборства» Войно-Ясенецкого. Был не только свидетелем всех относящихся к этому событий, но и сам принимал в них непосредственное участие.

Эпизод относится к самому концу 1921 года, следовательно, он произошёл месяцев через 5—6 после выступления Войно-Ясенецкого в суде в роли хирурга-эксперта по делу профессора Ситковского.

Войно-Ясенецкий тогда уже принял сан священника. И на факультете, и в больнице он ходил в одежде русского православного священника. Кроме того, он несколько усложнил свой предоперационный религиозный ритуал.

Перед иконой теперь всегда теплилась лампада. Прежде чем начать операцию, Войно-Ясенецкий не только крестился, но и «творил короткую молитву». Потом он трижды осенял крестным знаменем операционное поле, прежде чем взяться за нож хирурга.

Для всех нас главным было то, что Войно-Ясенецкий по-прежнему оставался великим знатоком своего дела, блестящим хирургом. Поэтому к этим его религиозным чудачествам быстро привыкли и смотрели на них сквозь пальцы.

Так дело шло до тех пор, пока, как и в случае первого «иконоборства», не запротестовала очередная комиссия. Комиссия приказала немедленно убрать икону, что и было выполнено. Реакция со стороны Войно-Ясенецкого тоже была немедленной. Он вновь «забастовал», заявив, что не выйдет на работу, пока не вернут икону. Было очевидно, что уговаривать его совершенно бесполезно.

Высшее партийное руководство в Ташкенте тогда возглавлял Ян Эрнестович Рудзутак, посланный сюда В. И. Лениным.

Клиника делегировала к нему популярнейшего в те времена врача и профессора Моисея Ильича Слонима, чтобы разъяснить ситуацию с Войно-Ясенецким, рассказать, какой это большой хирург, выдающийся педагог и учёный. Поэтому устранение Войно-Ясенец-

кого от занимаемой должности было бы большим ущербом для практической медицины и для медицинской науки.

Рудзутак сказал, что понимает это, но пусть врачи сами найдут выход из создавшегося «хирургического кризиса»: «Совершенно нетерпимо, чтобы советский хирург превращал операционную не то в православную часовню, не то в молебельный дом старообрядцев».

В конце концов выход всё же нашли. Вспомнили, что Войно-Ясенецкий не просто священник, а священник-монах, иеромонах. В такой своей «ипостаси» он должен полностью подчиняться архиепископу.

В те времена архиепископом Туркестанским был митрополит Никандр. Делегация из трёх врачей отправилась в резиденцию архиепископа. Оказалось, что Никандр неплохо разбирается в мирских делах. Он сказал, что вызовет отца Луку и с ним побеседует, гарантирует, что «хирургический кризис» будет ликвидирован, что Войно-Ясенецкий «совершает великий грех гордыни, ибо господь наш Иисус Христос претерпел с кротостью и смирением ещё не такие надругательства со стороны нечестивых».

Архиепископ Никандр обещание исполнил. Ходили слухи, что свою беседу с профессором он закончил такими словами: «Благословляю тя, отче, на подвиг смирения; иди и твори помощь страждущим, несмотря на надругательства и хулу нечестивых».

Так всё это было или иначе, но Войно-Ясенецкий на следующий день вышел на работу, прошёл прямо в операционную и приступил к очередным операциям.

Его трагическая жизнь, если исключить всё случайное, наносное, полна подлинной гражданственности, честного труда, выполнения долга врача, огромной человечности, удивительных проявлений светлого таланта в науке, в которой он оставил глубокий след, а его практическая хирургическая деятельность принесла тысячам людей реальное исцеление от тяжёлых болезней.

Но, чтобы правдиво воспроизвести жизнь этого необычайно многогранного, сложного человека, приходится вспоминать о некоторых вроде бы случайных эпизодах его биографии, иначе образ будет неполным. Архиепископская деятельность и различные связанные с этим жизненные перипетии забирали у него массу времени и энергии, «урезали» от науки то, что он мог бы ей ещё дать.

Я жил недалеко от Сергиевского собора, в котором служил архиепископ Лука... И часто видел, каким пиететом окружали верующие своего архипастыря. Особенно красочными были вечерние зрелища, когда по окончании богослужения архиепископ в полном облачении, в высоком чёрном клобуке, на котором светился белый крест, шествовал к себе домой, торжественно отстукивая большой палицей по тротуару. Верующие, «жаждущие» и «алчущие» обычно стояли по обеим сторонам улицы и припадали к его одежде, целовали руку, а он осенял их крестным знаменем...

Благословляет народ... И вдруг он видит идущего по улице своего сотрудника с семьёй. Поравнявшись с ними, остановился, со всеми поздоровался за руку (он никогда не навязывал своего пастырского благословения), улыбнулся и сказал:

«Ну, здравствуйте, здравствуйте. Целое безбожное семейство по улице идёт, и как только земля терпит».

По словам Анны Ильиничны Беньяминович, когда он улыбался, всё улыбалось ему в ответ — «словно солнышко выглянет».

Подчинённые и младшие товарищи никогда не чувствовали в нём недоступного, сурового начальника. К нему можно было запросто обратиться по самому пустяковому вопросу, совсем не связанному с работой.

Надо сказать, что профессура, врачи и вообще интеллигенция Ташкента смотрели на религиозность В. Ф. Войно-Ясенецкого как на своеобразное чудачество. Не придавали этому особого значения.

И всё же В. Ф. Войно-Ясенецкий был репрессирован. Потом мы узнали, что его отправили в Архангельск, что правительственные органы вели с ним переговоры, предлагали ему создать хорошие условия для работы в Ташкенте и даже в центре, если он согласится порвать с религией. Он отказался. В дальнейшем, с 1938 года, он находился вблизи Красноярска (село Большая Мурта) и в сане архиепископа Красноярского выполнял все церковные

обязанности. В 1939 году его освободили. Когда началась Великая Отечественная война, его назначили главным хирургом большого Красноярского эвакогоспиталя. Он сутками не выходил из госпиталя, часами простаивал у операционного стола, лечил огнестрельные ранения, гнойные раны. Был неутомим в практической работе и занимался научной.

В результате была написана монография «Поздние резекции при инфицированных огнестрельных ранениях суставов». За эту работу и за фундаментальный труд «Очерки гнойной хирургии» В. Ф. Войно-Ясенецкий был удостоен Сталинской премии I степени. Узнав из газеты об этой высокой награде, он тут же послал правительству телеграмму с просьбой принять 130 тысяч рублей из присуждённой ему премии в 200 тысяч рублей «на помощь сиротам — жертвам фашистских извергов». (И впервые за долгие годы смог что-то послать своим собственным детям.)

В последний раз я видел его в 1944 году в Москве. Перед отъездом в Тамбов он участвовал в церковных совещаниях в патриархии.

Мы встретились в холле пятого этажа гостиницы «Москва». Он только что прибыл с поезда. Здесь было много священников. Служки, монахи в длинных рясах несли какие-то узлы, чемоданы, кадила — а впереди них высилась внушительная фигура архиепископа Луки.

Разговаривая, мы продвигались к отведённому ему номеру, а между тем вокруг него всё увеличивалась толпа встречающих и просто любопытных.

Возле самого его номера из соседней двери вышел пожилой генерал, Герой Советского Союза, вся грудь в орденах. На него всё это зрелище и величественная фигура архиепископа, очевидно, произвели какое-то особое впечатление. И генерал тут же предложил Войно-Ясенецкому поменяться номерами, отдавал свой гораздо больший номер. Архиепископ отказывался, но генерал убедил его принять предложение тем, что столько провожатых и вещи просто не поместятся в маленьком номере.

Когда всё утряслось, Валентин Феликсович остался со мной наедине, чтобы посоветоваться насчёт своего здоровья, поговорить о детях, об издании книги.

Последнее время он болел расстройством кишечника. Он просто, спокойно, без брюзжания, без жалоб рассказал о болезни, полученной в ссылке, в годы тяжких испытаний. Охотно согласился исследоваться у меня в клинике.

— Завидую я вам, — сказал он, — вы можете заниматься только медициной, а у меня рядом с ней дела духовные. Со мною говорили об избрании в Академию медицинских наук, но поставили условием прекратить церковную деятельность. Не могу это сделать.

Тут я напомнил ему, как ещё в 1923 году он послал одну из своих работ в крупный немецкий хирургический журнал, подписав её «Bichof Lуска». Немцы посчитали, что произошла ошибка, сделали перестановку Lуска Bichof. Не поверили, что «Bichof» («епископ») — это действительно церковный сан профессора, решили, что это его фамилия. И потому поставили как положено, на первое место имя, а на второе «фамилию». Вот и было напечатано: Lуска Bichof.

Он тоже вспомнил эту историю и посмеялся.

Потом заговорили о детях. Валентин Феликсович с благодарностью вспомнил всех, кто с вниманием отнёсся к его детям в те годы, когда он сам ничем не мог им помочь.

— Я их жалел и постоянно помнил о них...

Потом он ещё рассказал о детях: «Самый болезненный и слабый у меня — младший, Валентин. Вы знаете, он в Намангане, где работал, заболел сыпным тифом. Семнадцать дней длилась болезнь, и почти с самого начала он потерял сознание, очевидно, развился тяжёлый энцефалит.

И вот, — простодушно продолжал Валентин Феликсович, — как не быть верующим, как не верить во всемогущество воли божьей. Последние критические дни были совсем тяжёлые, положение было безнадежное — температура больше сорока, сердце отказывало, кровяное давление упало до очень низких цифр. Лена дала мне телеграмму... И вот я молился. Я просил святейшего патриарха молиться за выздоровление Валентина — и, представьте, о чудо — вдруг на 17-й день наступил кризис, и Валентин стал выздоравливать».

Я знал от самого Валентина некоторые детали течения болезни. В критические часы болезни, когда наступило падение артериального давления, сестра Лена нашла дома припрятанные ампулы строфантина и стала вводить больному. Это его и спасло.

Я не стал ему об этом говорить, потому что понимал, что он тотчас же возразит мне:

— Ну, что же, тем более, господь бог внял и помог найти строфантин.

И, словно в ответ на эту не высказанную мной фразу, он произнёс:

— Верующие никогда не отрицают материальных фактов, но считают, что ими руководит высшее начало — всемогущий бог, и само материальное переходит в дух, а дух — в материальное. Вот почему тело бессмертно.

Здесь я не выдержал и заметил, что человек смертен и его тело умирает, что бессмертие человека лишь в сотворённых им делах, в его духовном наследстве. Это духовное наследство рождает материальные ценности, но дух, душа где-то в загробном мире не может переходить в тело и оживлять его. В бессмертие я не верю...

Валентин Феликсович спокойно возразил:

— Отложим спор, тем более я утомлён, а убедить в нескольких словах трудно. Может быть, я буду иметь возможность дать всем моим друзьям почитать своё сочинение «О духе, душе и теле». Внимательное изучение его многое разъяснит.

Я только хочу привести вам пример того, как едины дух и тело. Мне, как вы знаете, много пришлось претерпеть. Однажды там, за Полярным кругом, нас свели в одно небольшое помещение — должно быть, человек сто... О том, чтобы лечь, не могло быть и речи. Мы стояли много часов впритык друг к другу. И знаете, многие падали. А я обратился к вере божьей, и она меня спасла... Выдержал.

Спустя двадцать пять лет после нашей встречи, когда я готовил материал к этим воспоминаниям, то переписывался с сыном Валентина Феликсовича — Валентином. И вот что он мне написал:

«Может быть, главу, в которой вы затронете вопрос об уходе отца в религию, надо озаглавить «Не трогай ты её». Эту фразу Валентин Феликсович сказал сыну, когда тот вступил в полемику с больной женщиной, примитивно говорившей о загробной жизни. Очевидно, Валентин Феликсович думал о том, что вера облегчает физические страдания и вселяет дух уверенности.

В Тамбове, куда Войно-Ясенецкий был назначен Московской патриархией на должность архиепископа Тамбовского и Мичуринского, он прожил около двух лет. Он ещё и оперировал, и посещал научные заседания.

В конце мая 1946 года В. Ф. Войно-Ясенецкий переехал в Симферополь, где выполнял церковную должность архиепископа Симферопольского и Таврического. Здесь он опубликовал три работы по хирургии. Но... здоровье его становилось всё хуже и хуже. Умер Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий 11 июня 1961 года в возрасте 84 лет, проработав врачом 58 лет.